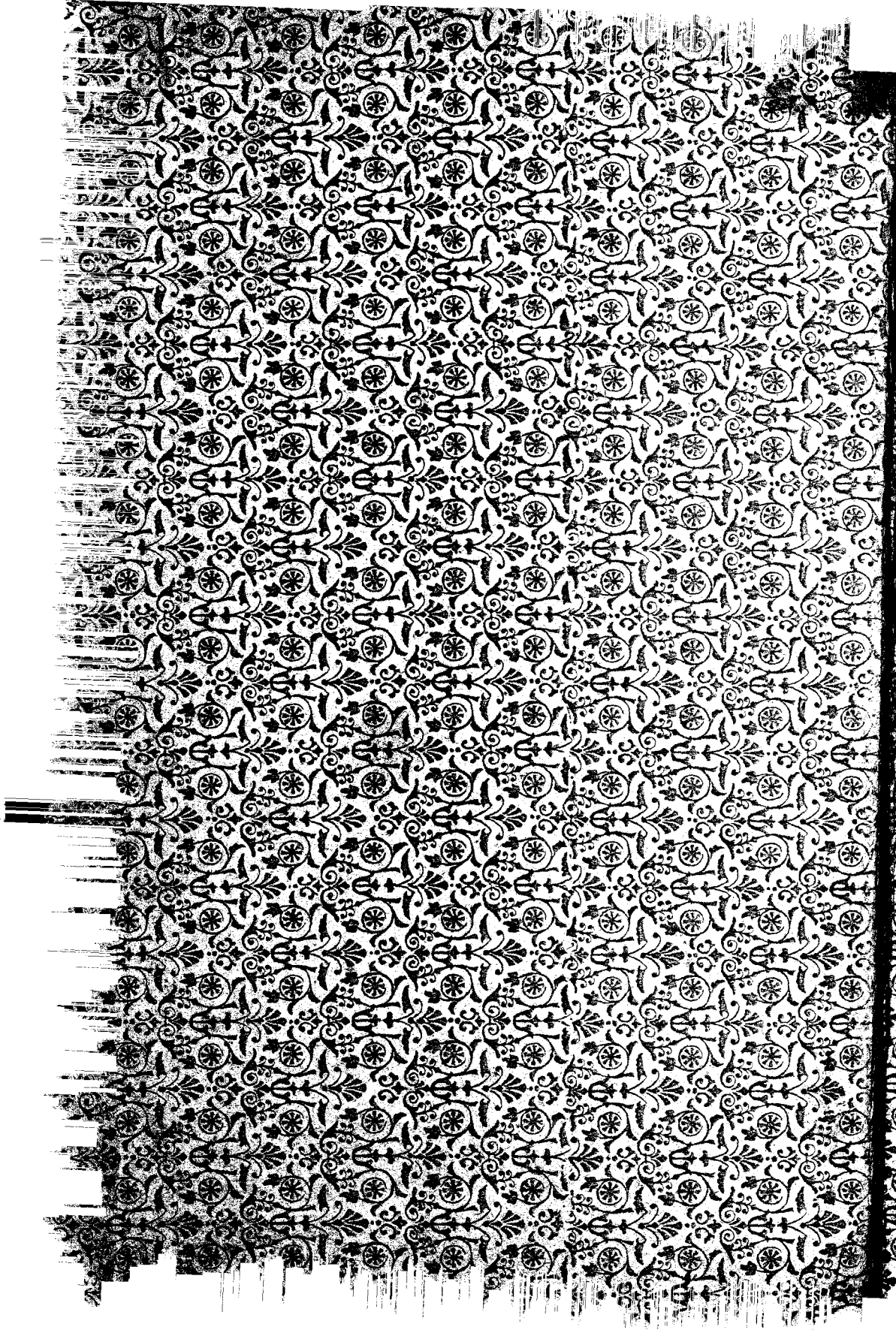
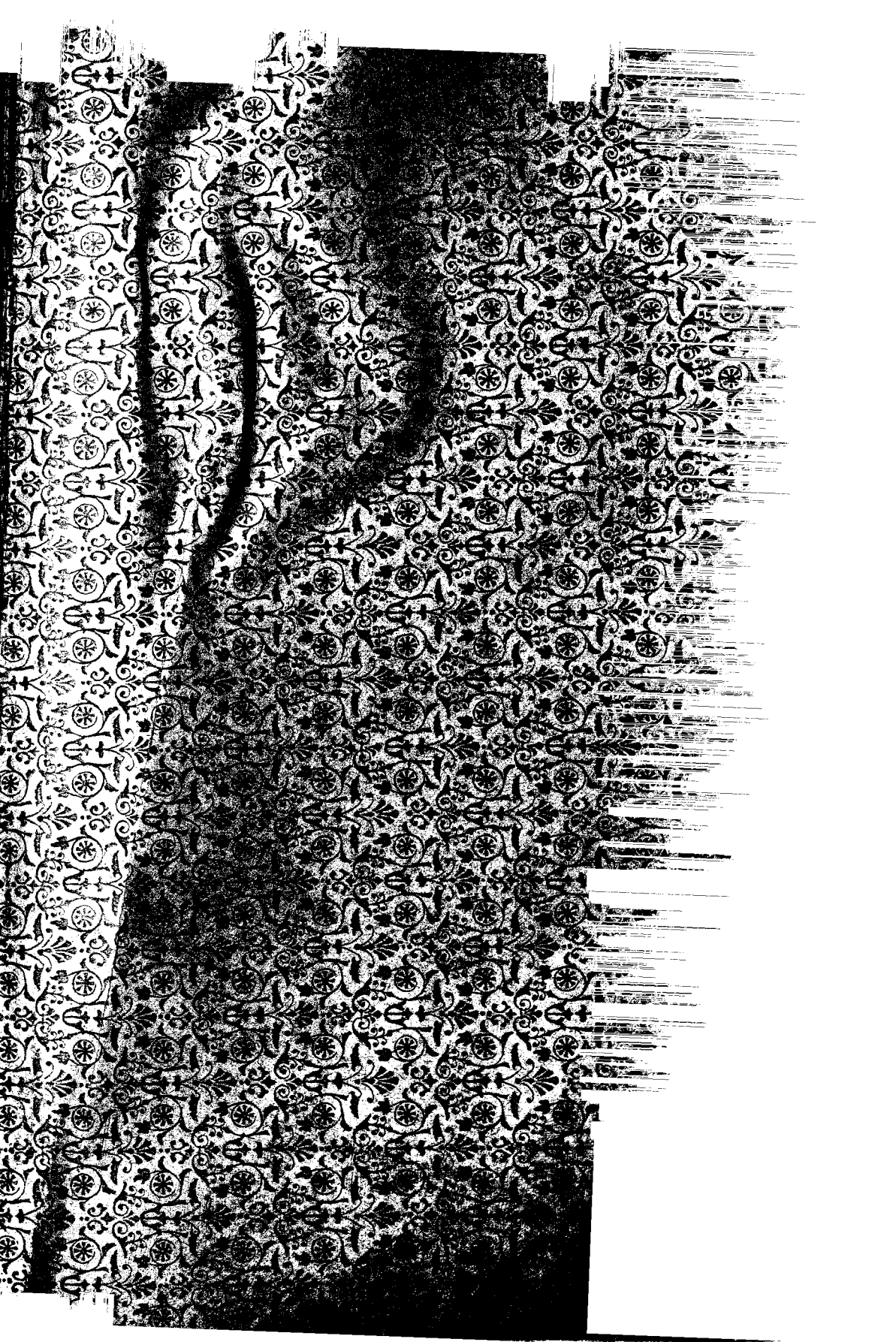

ОЧЕРКИ

ПО

ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

||

|||

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе	V
Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы.	1— 21
Общій очеркъ исторіи новѣйшей русской литературы	23—160
Писатель-гражданинъ (Н. В. Гоголь)	161—240
Великое Сердце (Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій).	241—374
Передовой боецъ славянофильства (Константинъ Акса- ковъ)	375—480

III

III

Большинство статей, вошедших въ составъ настоящей книги, появляется въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ первоначально были напечатаны въ „Русскомъ Богатствѣ“ („Великое Сердце“, „Писатель-гражданинъ“), „Вѣстникѣ Европы“ („Основные черты исторіи новѣйшей русской литературы“), „Критико-біографическомъ словарѣ“ („Передовой боецъ славянофильства“). Онѣ дополнены только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надо было ввести нѣкоторые позднѣе опубликованныя данныя.

Но „Общій очеркъ исторіи новѣйшей русской литературы“ подвергся коренной переработкѣ и почти весь написанъ заново. Первоначальный эскизъ его напечатанъ въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза-Ефрона, здѣсь же онъ расширенъ болѣе, чѣмъ въ три раза.

Этотъ очеркъ отнюдь не имѣетъ цѣлю давать индивидуальныя характеристики отдѣльных писателей. Задача его—представить общую картину литературнаго или, вѣрнѣе, литературно-общественнаго движенія второй половины XIX столѣтія. Признавая основной чертой русскаго литературнаго творчества его тѣсную и неразрывную связь съ общественной жизнью, я съ этой точки зрѣнія и разсматриваю ходъ литературной эволюціи послѣднихъ 60—70 лѣтъ. Наша литература какъ яркое выраженіе русской общенности—вотъ что я старался прослѣдить въ своемъ „Очеркѣ“.

20 мая 1907 г.

С. В.

Основные черты истории новейшей русской литературы.

Вступительная лекція, читанная въ Спб. университетѣ 24 сентября 1897 года.

I.

На нашихъ глазахъ происходило чудесное превращеніе, глубоко умилительное для нашего національнаго самолюбія. Русская литература, которой еще такъ недавно въ западно-европейскихъ руководствахъ отводилось четыре-пять страницъ,—столько же, сколько литературѣ румынской и новогреческой,—вдругъ стала возбуждать въ Европѣ удивленіе, близкое къ энтузіазму. Хотя Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и Грибоѣдовъ уже давно переведены почти на всѣ европейскіе языки, но какъ-то они мало трогали и публику и цѣнителей. Прелесть Пушкинскаго и Лермонтовскаго стиха пропала въ передачѣ, а содержаніе казалось европейскимъ критикамъ подражаніемъ Байрону. Оцѣнить же глубоко-національныя стороны русскаго байронизма, понять насколько въ Онѣгинѣ, на примѣръ, гениально воспроизведены чисто-русскія явленія и теченія, европейская критика, при своемъ полномъ незнакомствѣ съ русской жизнью, конечно, не могла. Еще менѣе могло быть понято ея значеніе Гоголя и Грибоѣдова, съ ихъ воспроизведеніемъ явленій, кажущихся каждому европейцу какою-то грубою и несправдоподобною каррикатурою.

Зато и публика и критика западной Европы въ совершенствѣ поняли и оцѣнили гордость и красу русскаго слова второй половины XIX вѣка—Тургенева. Поразительно, однако, что при всей восторженной внимательности, съ которою Тургеневъ былъ оцѣненъ и изученъ въ Европѣ, это было признаніе чисто-индивидуальное, къ одному Тургеневу относившееся. Никому изъ прозорливѣйшихъ европейскихъ критиковъ не приходило на умъ, что такія снѣговья вершины литературнаго творчества, какъ авторъ «Записокъ Охотника» и «Дворянскаго Гнѣзда», не мыслимы на плоской поверхности. Онѣ неизбежно должны быть въ связи съ цѣлою горною цѣпью, съ цѣлымъ